

Brandner, Aleš

К семантическому анализу степеней сравнения в русском и чешском языках

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1998, vol. 47, iss. A46, pp. [175]-184

ISBN 80-210-1796-1

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100322>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

АЛЕШ БРАНДНЕР

К СЕМАНТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное изучение степеней сравнения прилагательных в славянских языках привлекало внимание многих исследователей. Так, К. Горалек (ср. Horálek, 1955, 201–202) разделил все славянские языки по критерию аналитичности – синтетичности выражения степеней сравнения на две группы: восточную и западную. Западную ветвь, далее сербский и хорватский языки вместе со словенским он включает в «консервативную» группу, между тем как к «новаторской» группе он относит, с одной стороны, вост.-слав. языки, которые шли по одному пути, с другой стороны, болгарский и македонский, развивавшиеся по другому направлению. И. Леков (1958, 51–53), присоединившийся, в сущности, к этому мнению (в качестве двух крайних точек зрения он рассматривает сербский и хорватский, по-видимому, наименее отклонившиеся от исходного состояния, с одной стороны, а русский – с другой), дополняет ряд других интересных сопоставлений, например, образование аналитической формы компаратива с *более* в русском и с *bolj* в словенском языке (ср. также Нахтигаль, 1963, 274). И. И. Резвин (1963, 35–41) выделил два формальных признака: а) парадигматический, б) синтагматический, по которым он все славянские языки разделил на три группы: 1) русский, 2) болгарский и македонский и 3) остальные славянские языки.

В настоящей статье сделана попытка провести сопоставление форм степеней сравнения в русск. и чеш. языках, исходя из системы дифференциальных признаков, которая лежит в основе функционирования соответствующих форм.

В праслав. яз. формы сравнительной степени имен прилагательных образовались путем присоединения к основе прилагательного суффикса **jъs* (в им. и вин. пад. ед. ч. ср. р. суффикс сравнительной степени выступал в виде **jes*), причем часто эта основа была распространена гласным *ě* > *ǣ*. Таким образом, сравнительная степень от **chudъ* была **chudjъs*, **chudjъsjǣ*, **chudjes*, др.-русск. *хужь* > *хужши*, *хужьшии*, *хуже*; др.-чеш.

chuzí, chuzši, chúze; от **novъ* была **nov-ē-jъs*, **nov-ē-jъs-j-ā*, **nov-ē-jes*, др.-русск. *новѣи, новѣиши, новѣе*; др.-чеш. *nověji, novějiši, novějiše*. Суффикс сравнительной степени далее осложнялся согласным *j*, который выступал во всех формах, кроме формы им. и вин. пад. ед. ч. муж. и ср. р. В силу этого оказалось, что основа сравнительной степени во всех падежах, где выступал *j*, оканчивалась на *š* (из **sj*). Ср., например, род. пад. ед. ч. муж. и ср. р.: **chud-jъs-j-a* > **chuzъš-a*, др.-русск. *хоужьша*, др.-чеш. *chuzšě* > *chuzša*; **nov-ē-jъs-j-a* > **novějša*, др.-русск. *новѣиша*, др.-чеш. *novějšě* > *novějša* и т. д. Если сравнительная степень образовалась от прилагательных на заднеязычный, то звук *ē* изменился в др.-русск. языке после мягкого шипящего в *a*, например, **krěpъk-ē-jъs*, **kratъk-ē-jъs* > *крѣпъчаи, кратъчаи*; в др.-чеш. языке получилось *ě*: *krěpčějí, kratčějí*.

Все эти формы были унаследованы др.-русск. и др.-чеш. языками и существовали к моменту появления письменности. При этом в др.-русск. языке (в отличие от современного), подобно как и в древнечешском, сравнительная степень употреблялась в роли определения, изменялась по родам и числам и склонялась, причем в связи с тем, что основа ее всегда оканчивалась на мягкий *š*, склонялась она по мягким типам основ на *-jo* и *-ja*. Древние языки знали не только краткие формы сравнительной степени, но и полные, которые образовались при помощи присоединения местоименей **jъ*, **ja*, **je*.

История развития сравнительной степени в русск. яз., имеется в виду ее краткая форма, заключалась в том, что так же, как и краткие прилагательные, она перестала употребляться в роли определения и поэтому потеряла способность к словоизменению (эта тенденция стала отражаться в письменных памятниках начиная с XII в.), застыв в одной определенной форме (ср. Иванов, 1983, 318). Наиболее продуктивной оказалась бывшая форма им. пад. ед. ч. ср. р. на *-že* > *-ee* или с редукцией конечного согласного на *-ей*: ср. современное *скорее* с др.-русск. муж. р. *скорѣи*, жен. р. *скорѣиши*, ср. р. *скорѣе*. Известно, что в русск. диалектах, а также в просторечии формы на *-ee*, *-ей* распространены шире, чем в литературном языке: ср. *хужеe, жарчеe, прощеe, ближей, тишеи* (ср. Шахматов, 1957, 363); литературные формы *хуже, жарче, проще, ближе* восходят также к им. пад. ед. ч. ср. р. Что касается таких форм, как *больше, меньше*, то они восходят к форме им. п. мн. ч. муж. р. В то время, когда простые формы сравнительной степени окаменели, стали распространяться аналитические образования типа: *более высокий, менее уютный, наиболее крепкий, наименее интересный, самый красивый*. (Авторы Русской грамматики I (1979, 499-500) не включают в систему сложных форм степеней сравнения т. наз. сравнительные обороты «по нисходящей» типа компаративного *менее уютный* и суперлативного *наименее интересный*, так как компоненты *менее, наименее* сохраняют больше семантической самостоятельности, чем компоненты *более, наиболее* в формах сравнения «по восходящей»; допускают, однако, что расстояние между обоими типами сравнения не слишком большое.)

Следует также сказать о судьбе форм с основой на заднеязычный согласный типа *кратъчае, крѣтъчае, свежае, ловъчае*. Некоторые из них были вытеснены формами на *-е* под влиянием таких образований, как *хуже, больше, меньше*; другие попали под влияние наиболее распространенных форм на *-ее* (*<-ѣе*), например, *свежее, ловчее*. Обратный процесс происходил в диалектах, в результате которого там развивались формы вроде *сильняе, здоровае* и т. п. Следует добавить, что формы на *-ае, -яе* были широко известны в разговорном языке Москвы вплоть до XVIII в. (ср. Иванов, 1983, 318). Гласный *а* после шипящего сохранился лишь в полных формах типа *кратчайший, низжайший, высочайший, крепчайший* и т. д. Однако эти полные формы, сохранив полностью способность различаться по родам, числам и падежам, вместе с тем изменили свое значение: если первоначально они были формами сравнительной степени, то в истории русск. яз. они получили значение превосходной степени. Но вместе с тем подобные формы, во-первых, все же не получили достаточно широкого распространения, так как более употребительной стала описательная конструкция для выражения превосходной степени типа *самый сильный, самый высокий* и т. п.; и, во-вторых, формы на *-ѣи-, -аиш-* очень долго сохраняли значение сравнительной степени.

Что касается выражения превосходной степени, то искони в общеславянском языке ее не было. Подобно обстояло дело также в старославянском. Со временем отдельные славянские языки стали образовывать для ее выражения свои формы. В др.-русс. яз. она, как видно, выражалась лишь описательно, т. е. с помощью слов *весьма, очень, самый*, прибавляемых к положительной степени прилагательного. Образования с приставкой *наи-* (*наибольший, наилучший*) и со ст.-слав. по происхождению *пре-* (*предобрый, премудрый*) не были принадлежностью живого русск. яз., а появились или под влиянием цслав. яз. (это касается образований с приставкой *пре-*), или, возможно под польским влиянием, где приставка *наи-* широко распространена (ср. Иванов, 1983, 318).

В современном русск. яз. при образовании степеней сравнения формы предикативные отличаются от форм атрибутивных. В предикативном употреблении выступают простые (синтетические) формы (ср. *старше, дольше, слабее, милее*); по происхождению они являются родственными с чеш. наречиями типа *lépe, hůře*. В атрибутивной функции выступают сложные (аналитические) формы типа *более сильный, менее красивый*. Превосходная степень в предикативной функции бывает чаще всего в виде сочетания *лучше всего, красивее всех*. Имеются также аналитические формы: *самый хороший, наиболее сильный, наименее удобный*. Старые компаративные выражения цслав. происхождения типа *любезнейший, высочайший* употребляются в книжном языке в значении превосходной степени, далее при выражении высокой меры качества (ср. *чистейшая ложь* «*pustá lež*», *богатеиший человек* «*velmi bohatý člověk*»).

Что касается выше упомянутой приставки *наи-*, то она встречается преимущественно в книжном стиле в сочетании с формами сравнительной

и реже превосходной степени в значении предельной степени признака: *наилучший, наибольший, наименьший, наивысший* и т. п. (ср. менее книжные формы *самый лучший, самый большой, самый маленький, самый высокий*). Формы с *наи-* встречаются в некоторых фразеологических сочетаниях, ср. *линия наименьшего сопротивления, не может быть наименьшего сомнения* и т. п.

В ранний период др.-чеш. языка (до XIV в.) еще засвидетельствованы некоторые древние формы муж. рода сравнительной степени типа *dali, hoří* (<**gor-ji*), *hrzí* (<**grzd-ji*) и т. п., однако под влиянием жен. рода и косвенных падежей, содержавших в суффиксе *-š-* (ср. род. п. ед. ч. муж. и ср. р. *dalša*), сформировался аналогичный суффикс *-ší* (ср. *další, hrzší, horší...*), который находился в дополнительном распределении с суффиксом *-ejší* (ср. исконная форма муж. рода *bohatější*). Превосходная степень образовалась при помощи префикса *naj-*, присоединяемого к форме сравнительной степени (в отдельных случаях этот префикс присоединялся также к положительной форме прилагательного: *najvrchní, najděvni*).

Кроме парадигматического образования степеней сравнения часто употреблялся также префикс *pře-*: *předrahý, přezlý, přesrdečný, přěnevýmluvný*. В единичных случаях выступали также формы с префиксами *nad-* (*naddivný*) а *přes-* (*přesmlitky*).

После XIV в. кроме степеней сравнения, образовавшихся теми же самыми средствами, как в современном чеш. яз., применялась впрямь префиксация с помощью продуктивного форманта *pře-*.

В период Возрождения наряду с усиливающим префиксом *pře-* появляются префиксы, заимствованные от существительных: *pra-* (*praobyčejný, prastarý*), позднее с экспрессивным разговорным вариантом *prach-* (*prachstarý*), далее префикс *vele-* (*velevážený*). В редких случаях нашел свое употребление префикс *arci-* (*arciskoupý, arciřídky*), заимствованный также от существительных. В дальнейшем развитии отграничивается распределение префиксов *pře-*, в результате широкой сочетаемости ставших весьма продуктивным, и *pra-* (*prach-*), с помощью которого образуются наименования отрицательных свойств (ср. *pramizerný, prablby, prachšpatný*). Префикс *vele-* постепенно становится признаком высокого стиля (ср. *velevzácný*). Префикс *arci-* теряет понемногу свою продуктивность (ср. Lamprecht–Šlosar–Bauer, 1986, 313).

В современном чеш. языке засвидетельствованы др.-чеш. формы сравнительной степени на *-ší, -ejší* (ср. *menší, větší, lepší, novější, bohatější // bohatší*). Особенностью являются формы с чередованием гласных (ср. *bílý – bělejší*). В качестве превосходной степени выступают формы с префиксом *nej-*: *největší, nejlepší*. Из сказанного вытекает, что в чеш. яз. степени сравнения образуются регулярно (суффиксальное образование сравнительной степени, обладающей всеми формами согласования, и префиксальное образование превосходной степени).

В качестве эталона для сравнения языков берется произвольно сконструированная теоретико-множественная модель, в которой постулиру-

ются определенные отношения между элементами заданных множеств (категорий, парадигм, классов эквивалентности или семейств). Так возникают понятия правильного, категориального однородного и формально однородного языков. Эти понятия используются для сравнения между собой форм сравнительной и превосходной степени славянских языков. При этом более рельефно проявляются некоторые особенности русск. яз., которые, по-видимому, труднее было бы установить при ином подходе, хотя они выражаются в обычных лингвистических терминах и в принципе могли бы быть сформулированы без какого-либо обращения к теоретико-множественным понятиям (ср. Ревзин, 1963, 35).

Одним из достижений т. наз. формальной грамматики 20-ых гг. (ср. Ушаков, 1922, 86) было доказательство того, что суффиксальные формы типа *сильнее*, *красивее* и т. д., которые входят в категорию неизменяемых слов, должны при последовательном и строгом подходе к фактам считаться не формами словоизменения прилагательных *сильный*, *красивый* и т. п., а отдельными словами, связанными с соответствующими прилагательными лишь словообразовательными отношениями. В пользу отнесения степеней сравнения к отделу парадигматики говорит прежде всего полная соотнесенность между положительной, сравнительной и превосходной степенью в современном языке. Каждое (или почти каждое) качественное и каждое качественно-оценочное прилагательное образует степени сравнения. В пользу грамматической трактовки данного явления говорит также значительная абстрактность, «категориальность» значений степеней сравнения. Однако сравнительная и превосходная степень обозначают нечто иное, чем положительная степень, что между положительной и сравнительной степенью имеется количественная разница, подобная той, с которой мы встречаемся при анализе семантического соотношения ед. и мн. числа. В пользу трактовки степеней сравнения как результата одного из словообразовательных, деривационных приемов, А. В. Исаченко (1954, 267) приводит следующие соображения:

1. В ряде случаев сравнительная и превосходная степень образуются от других корней, чем положительная степень, составляя своеобразную супплетивную парадигму: ср. *хороший* – *лучший* – *наилучший*, чеш. *dobrý* – *lepší* – *nejlepší*. Такое положение вещей свидетельствует о том, что в доисторической древности большее наличие признака обозначалось самостоятельным словом, этимологически не связанным с положительной формой прилагательного.

2. Слова типа *лучше*, *моложе*, *больше*, *хуже*, *веселее* лишены некоторых грамматических признаков соответствующих прилагательных положительной степени: они не имеют форм рода, числа и падежа и не вполне соотнесены с соответствующими прилагательными *хороший*, *молодой*, *большой*, *плохой*, *веселый* в грамматическом отношении. Они выступают преимущественно в качестве сказуемого, между тем как соответствующие формы положительной степени могут выступать как в функции сказуемого, так и в функции определения.

3. Приемы образования степеней сравнения непродуктивных качественных прилагательных напоминают приемы деривативного словообразования. Во многих случаях сравнительная степень не образуется от основы положительной степени, ср.: *корот-кий* – *короче*, *шир-окий* – *шире*, *глуб-окий* – *глубже*, *выс-окий* – *выше*, *низ-кий* – *ниже*, *слад-кий* – *слаще*; чеш. *slad-ký* – *sladší*, *krát-ký* – *kratší*, *prud-ký* – *prudší*, *hlub-oký* – *hlubší*, *vy-soký* – *vyšší*, *za-dní* – *zazší* и т. п.

4. Некоторые формы превосходной степени, как например, *красивейший*, *сильнейший*, *величайший*, отрываются от парадигмы и употребляются в элативном, а не в суперлативном значении, т. е. в значении большей степени качества: *величайший поэт* уже не значит «самый великий поэт»; в чеш. яз. этому соответствует «*významný básník, jeden z nejvýznamnějších básníků*». Эти формы не могут быть сопоставлены с суперлативами других славянских языков.

5. Некоторые формы сравнительной степени (ср. *лучший*, *худший*, *высший*, *низший*, *старший*, *младший*, *большой*, *меньший*) можно формально сопоставить с компаративами других славянских языков, поскольку они обладают такими категориями рода, числа и падежа; однако они употребляются также в значении превосходной степени, ср: *лучший ученик* «*lepší //nejlepší žák*», *старший сын* «*starší //nejstarší syn*». Этим они отличаются от словоформ сравнительной степени чеш. яз. и других славянских языков. То или иное значение формы определяется в таких случаях синтаксическим контекстом. Значение сравнения стирается в устойчивых сочетаниях, например, *высшая школа* «*vysoká škola*», *высшая математика* «*vysoká matematika*», *старший лейтенант* «*nadporučík*», *младший лейтенант* «*podporučík*» и т. п.

Все это заставляет нас рассматривать степени сравнения как явление, стоящее на грани между грамматическим словоизменением (парадигматикой) и лексическим словообразованием (деривацией). Наиболее интересен для типологии второй аргумент, так как соответствующее явление резко отличает русск. яз. от чешского (ср. Резвин, 1963, 36).

В некоторых сочетаниях чеш. яз. форма сравнительной степени выражает ослабленность признака. Сравнение сочетаний *půjčil si knihu na krátký čas* и *půjčil si knihu na kratší čas* показывает, что прилагательное *kratší* не выражает «большую краткость», а, наоборот, некоторую, довольно значительную продолжительность. С другой стороны, *dlouhá cesta* продолжается дольше, чем *delší cesta*. Точно так же *Vysoká škola pedagogická* представляет собой более «высокий» тип высшего учебного заведения, чем раньше существовавшее у нас учебное заведение *Vyšší škola pedagogická*. Эти чрезвычайно тонкие оттенки чеш. яз. не имеют в русск. яз. прямых соответствий. Данные сочетания считаются кальками с немецкого языка (ср. *kürzere Zeit, längere Fahrt, höhere Schule*). Речь идет о маргинальных явлениях, никак не характерных для системы значений обсуждаемых форм. В переводе на русск. яз. приведенные чеш. словосочетания звучат: *он взял книгу на короткое время, он отправился в продолжительную по-*

ездку, она учится в педучилище. Компаратив чеш. яз. в данных примерах обозначает абсолютное выражение степени качества. А. В. Исаченко (1954, 272) называет такие формы сравнительной степени субъективной оценки; им соответствует в русск. яз. положительная степень прилагательного.

В ряде случаев оттенков значения сравнительной степени субъективной оценки чеш. яз. можно передать по-русски лексическими приемами: *pán menší postavy* – невысокий мужчина, *menší domek* – небольшой домик, *po kratší nepřítomnosti* – после непродолжительного отсутствия, *z chudší rodiny* – из небогатой семьи, *oblouštější pán* – толстоватый мужчина, *chladnější přijetí* – холодноватый прием, *starší pán* – пожилой мужчина // мужчина в летах, *ze zámožnější rodiny* – из довольно богатой семьи. Иногда речь идет об эвфемизмах.

Качественное различие, выраженное простой формой сравнительной степени, усиливают слова *гораздо, далеко, значительно, еще, многим, куда*, ср. *гораздо интереснее, значительно выше, далеко выгоднее, многим богаче, куда дешевле* и т. п. Наоборот, качественное различие ослабляется приставкой *по-*, которая в этом значении соответствует чеш. наречиям «*poněkud*», «*trochu*» (ср. *побольше* «*trochu větší*» или «*trochu více*», *получше* «*poněkud lepší*» или «*poněkud lépe*», *повеселее* «*trochu veselejší*» или «*trochu veseleji*» и т. п.). Они характерны для разговорной речи. Данные формы выражают ослабленность признака, по сути дела они оторвались от системы сравнительной степени и в целом ряде случаев функционируют как чистые наречия (ср. *вернись поскорее, пой повеселее*). Характерно, что такие формы особенно часто сочетаются с повелительной формой глагола. Из этого можно заключить, что сами они наделены известной долей экспрессивности.

Формы сравнительной степени с приставкой *по-* могут в предложении выступать в качестве сказуемого. В таком случае они приобретают оттенок несколько «смягченной» сравнительной степени (ср. *он помоложе меня* «*je o něco mladší než já*»; *он будет поумнее нас всех* «*ten je asi chytřejší než my všichni*»). В атрибутивном употреблении формы сравнительной степени с приставкой *по-* стоят обычно после определяемого существительного, иногда в обособленном положении (ср. *купи мне какие-нибудь билеты подешевле* «*kup mi nějaké lacinější vstupenky*»; *принеси мне папирос, да только покрепче* «*dones mi cigarety, ale nějaké silné*»).

Простые формы сравнительной степени с приставкой *по-* употребляются также для обозначения большей меры качества. На чеш. яз. такие выражения переводятся с помощью превосходной степени с частицей *со* (возможно также *со možná* или описательным способом со словом *hodně* + положительная степень): ср. *Когда давали умыться, он требовал воду похолоднее* (...*požadoval vodu co nejstudenější // со možná nejstudenější // hodně studenou*). Обозначает ли русск. компаратив с приставкой *по-* большую или, наоборот, ограниченную меру качества, можно узнать только из контекста.

Что касается суперлатива, то во всех славянских языках различаются собственно превосходная степень и т. наз. элатив. Существенно, однако,

что по происхождению суперлатив славянских языков всегда восходит к компаративу. В случае, когда компаратив употребляется вне сравнения, происходит нейтрализация между ним и суперлативом, не имеющим значения превосходной степени. Наиболее характерно соответствующее явление для русск. яз., где только из контекста можно установить, выражают ли формы на *-ейший*, *-айший*, а также *высший* – *низший*, *лучший* – *худший*, *старший* – *младший*, *большой* – *меньший* превосходную степень или же речь идет о компаративе в абсолютном употреблении.

По В. В. Виноградову (1947, 251–258) прилагательные на *-айший*, *-ейший* могут иметь в современном русск. яз. три значения:

1. значение безотносительно большей меры признака (значение элативное), ср. *он способнейший студент* «*je to velmi schopný (nadaný) student*»;

2. значение превосходной степени, ср. *вернейший из друзей* «*největnější přítel*»;

3. значение сравнительной степени, почти вымершее в современном языке, но оставившее по себе следы в фразеологии: *при малейшей неосторожности* «*při menší neopatrnosti*».

Наиболее распространенным является употребление на *-айший*, *-ейший* в элативном значении. В русск. яз. наблюдаются у этих форм колебания между значением превосходной степени и значением элативным гораздо чаще, чем в чешском. В чеш. яз. этот оттенок может передаваться по-разному. Русск. формам на *-айший*, *-ейший* могут соответствовать чеш. сочетания со словами *velmi*, *krajně*, *nanejvýš*, *tímohádně (ob)zvlášť*, ср. *скромнейший человек* «*velmi skromný člověk*», *талантливейший ученик* «*tímohádně nadaný žák*», *опаснейший враг* «*krajně nebezpečný nepřítel*», *строжайшее наказание* «*zvlášť přísný trest*». С другой стороны, русск. формам на *-айший*, *-ейший* могут соответствовать в чеш. яз. префиксально-суффиксальные формы на *nej...(ej)ší* в элативном значении. В сочетании *nejpřísnější zákaz* прилагательное не выражает превосходную степень, а употребляется в значении элативном (ср. *строжайшее запрещение*). При сопоставлении фактов в русск. и чеш. яз. необходимо иметь в виду разные оттенки значения чеш. форм на *nej...(ej)ší*. Элативное значение имеют имена прилагательные, образованные с помощью префиксов и суффиксов (ср. *наилучший*, *предобрый*, *всесильный*, *сверхмощный*, *ультракороткий*, *архинаглый* «*egcdřzý*») или описательные формы с наречиями (*исключительно способный*, *крайне сложный*, *абсолютно исправный*).

Формы на *-айший*, *-ейший* с элативным значением в свободных сочетаниях имеют явно оценочный характер: *это порядочнейший человек*; *это интереснейшая мысль*; *я попал в глупейшее положение*; *это редчайший случай*; *это тончайший знаток* и т. п.

Наряду с этим, формы на *-айший*, *-ейший* входят в состав фразеологических единиц оборотов, где оценочное значение утрачено. В чеш. яз. этому употреблению соответствуют, как правило, формы на *nej...(ej)ší*, ср.: *в ближайшие дни* «*v nejbližších dnech*», *к моему глубочайшему*

сожалению «k mé největší lítosti», исполнить что-нибудь в кратчайший срок «vyřídít něco v nejkratší lhůtě», не иметь ни малейшего представления «nemít ani nejmenší představu», знать дело до мельчайших подробностей «znát věc do nejmenších podrobností», это чистейший вздор «je to úplný nesmysl».

В значении превосходной степени формы на *-айший, -ейший* часто выступают о в сочетаниях с предлогами *из, среди, между*: *гениальнейший из // среди художников, старейший из // среди них, величайший между полководцами*.

В значении сравнительной степени формы на *-айший, -ейший* встречаются в литературе XIX в. (ср. *его лицо приняло еще злейшее выражение*), но в современном языке эти формы почти вымерли (ср. Исаченко, 1954, 283). В ряде фразеологических сочетаний, однако, еще просвечивает старое значение сравнительной степени, особенно при сопоставлении русск. выражений с чешскими: *при ближайшем рассмотрении «při bližším zkoumání», в дальнейшем приводятся только библиографические данные «dále se uvádějí jen bibliografické údaje»*. Следует отметить, что значение сравнительной степени и в этих случаях весьма условно и что формы *ближайший, дальнейший* здесь не считаются грамматическими коррелятами к *близкий* и *дальний*.

Как известно, русск. яз. располагает также аналитическими формами качественных прилагательных со служебными словами *более, наиболее* и *самый* (ср. *более красивый, наиболее интересный, самый дорогой*). Выше уже было указано, что они распространились в языке позднее, когда простые формы сравнительной степени окаменели, утратив склонение и различия по родам и числам и приобретя способность выступать в качестве наречий. В предложении они выполняют прежде всего атрибутивную функцию. С типологической точки зрения они не считаются грамматическими выражениями, т. е. они не включаются в состав парадигмы качественных прилагательных (ср. Ревзин, 1963, 38).

ЛИТЕРАТУРА

- ВИНОГРАДОВ, В. В.: Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва, «Учпедгиздат» 1947.
- ИВАНОВ, В. В.: Историческая грамматика русского языка. Москва, «Просвещение» 1983.
- ИСАЧЕНКО, А. В.: Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Часть первая. Изд-во Словацкой академии наук, Братислава 1954.
- ЛЕКОВ, И.: Общность и многообразие в грамматическом строе на славянских языках. БАН – Институт за български език, София 1958.
- НАХТИГАЛЬ, Р.: Славянские языки (перевод со словенского). Изд-во АН СССР, Ленинград 1963.
- РЕВЗИН, И. И.: К типологии форм степеней сравнения в славянских языках. In: Исследования по структурной типологии. Изд-во АН СССР, Москва 1963, 35–41.
- Русская грамматика I. Academia, Praha 1979.
- Русская грамматика I. Москва, «Наука» 1980.

- УШАКОВ, Д. Н.: Краткое введение в науку о языке. Москва, 1922.
- ШАХМАТОВ, А. А.: Историческая морфология русского языка. Москва, «Учпедгиз» 1957².
- ADAMEC, P. – HRABE, V. – JIRÁČEK, J. – MILOSLAVSKIJ, G. I. – ŽAŽA, S.: Morfologie ruštiny I. Skriptum. Brno 1996.
- GEBAUER, J.: Historická mluvnice jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. 1. Skloňování. ČSAV, Praha 1960.
- HORÁLEK, K.: Úvod do studia slovanských jazyků. ČSAV, Praha 1955.
- LAMPRECHT, A. – ŠLOSAR, D. – BAUER, J.: Historická mluvnice češtiny. SPN, Praha 1986.
- Příruční mluvnice češtiny. Nakl. Lidové noviny, Praha 1995.
- Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy I (hláskosloví a tvarosloví). SPN, Praha 1976³.

K SÉMANTICKÉ ANALÝZE STUPŇOVÁNÍ V RUŠTINĚ A ČEŠTINĚ

V tvoření a skloňování komparativů se od sebe některé slovanské jazyky postupem času značně odlišily. Celkem je možno odlišit dvě skupiny: konzervativní, k níž patří západoslovanská větev, dále srbština a chorvátština se slovinštinou, a novátorskou, v níž šly jednou cestou jazyky východoslovanské, druhou bulharština s makedonštinou.

Superlativ slovanština původně neměla. Časem si slovanské jazyky vytvořily pro 3. stupeň různé tvary nové.

V západní větvi slovanských jazyků zobecnily komparativy starého čes. typu na *-ší, -ější* (srov. *menší, větší, lepší, horší, novější, jasnější, bohatší // bohatější*). Jako superlativů se zde užívá tvarů s předponou *nej-* (srov. *nejlepší, největší*).

Ruština při stupňování odlišuje tvary predikativní od atributivních. V platnosti predikativní užívá ustrnulých (syntetických) tvarů typu *старше (старше всех), дольше (дольше всего)*. V platnosti atributivní má opisné (analytické) tvary (*более красивый, менее интересный, наиболее подходящий, наименее уютный, самый короткий*). Starých syntetických církevněslovanských komparativů jako *важнейший, высочайший* se užívá v knižním jazyce, a to jednak ve významu superlativním, jednak ve významu elativním pro označení velké míry. V některých frazeologických spojeních se dochoval jejich původní komparativní význam (srov. *при ближайшем рассмотрении „při bližším zkoumání“*).

V předkládaném článku jsou sledované stupňované podoby podrobeny sémantickému rozboru a stav v ruštině je konfrontován se stavem v češtině.

Aleš Brandner
Ústav slavistiky
Filozofické fakulty MU
Arna Nováka 1
660 88 Brno